

СТОИТ ЛИ УМЕРЩВЛЯТЬ НАУКУ РАДИ «ЖИВОГО» ЗНАНИЯ?

. Слушай, Иов, речи мои
и внимай всем словам моим.
Вот, я открываю уста мои;
язык мой говорит в гортани моей.
Слова мои от искренности моего сердца,
и уста мои произнесут знание чистое.

Библия. Иов. 33.1—4

Я начал эти заметки в пасхальное воскресенье. За окном — весеннее воскрешение природы. Пасха в этом году совпала у нас с официально-государственным праздником — Днем советской науки. В этом случайном совпадении можно было бы увидеть некий тайный знак — знание может быть названо живым, когда оно коренится в вере, пронизано сакральностью. Но что-то мне мешает сделать этот шаг. Может быть, чрезмерная легкость, с которой многие делают такого рода шаг? Или предчувствие опасности того, что скоро православие может стать государственно-официальной идеологией (не идеологией же КПСС)?

Позицию К. И. Шилина я бы назвал позицией критики науки, которой вменяется в вину ответственность за экологический кризис, за разрушение биосферы, за дегуманизацию человеческих отношений. Но есть критика и «критика». Философия и методология науки также выступают как способ критического исследования науки, ее оснований, норм и идеалов. Та критика науки, с которой выступает К. И. Шилин, оказывается позицией полного отвержения науки, неприятия ее, отрицания какой-либо ее ценности в истории человеческой культуры и цивилизации.

По К. И. Шилину, у нас давно уже появился еще один враг — наука. Она не только враг народа, но и каждого из нас, враг природы и всего живого на Земле. Этот враг-де бесчеловечен и мертвящ. Вокруг него — зона смерти. Смерти и природы, и человека. Идея о том, что в существе самой науки заключено некое зло, что сама наука вредоносна, несет в себе сатанинское начало, начинает утверждаться и у нас — в стране победившего сталинизма после катастрофы планетарного масштаба, произошедшей в апреле 1986 г. в Чернобыле, после краха утопических иллюзий рядившихся в одеяния «научной идеологии».

Сразу же скажу, что позиция отвержения науки во имя некоего «живого» знания, которое и знанием-то не является, а есть скорее искусство, мне чужда. Я не могу принять ни то представление о науке, которое отстаивает К. И. Шилин, ни то размежевание науки и «живого знания», которое он предлагает.

Наука, по его оценке, всегда направлена на предмет, предметно расчленена, ориентирована на мертвую вещь и технику, а поскольку техника есть средство власти, постольку и наука осуществляет лишь интересы элиты, стремится сохранить и упрочить господство элиты. Сама идея науки, научного подхода возникает, по его словам, «в особо лживом состоянии сознания». Наука не просто лжива, вредоносна и дегуманистична, она еще и элитарна по своей сути. Дружественное общение с живой природой было перестроено в жестко организованные субъект-объектные отношения при отнесении основной активности субъекту и (насильственном) ограничении природы ролью пассивного «объекта». Наука-де виновата в умерщвлении природы, в физикализации всего живого, в превращении всего и вся в объект манипулирования.

Разберем эти аргументы. То обстоятельство, что научное знание объективно, отнюдь не означает, что оно всегда в качестве своего объекта исследования имеет предмет, или вещь. Даже классическая наука изучала не только изолированные фрагменты реальности, но и процессы, например процессы обмена веществ, происходящие в живом организме, и т. д. Наука XX в. в качестве объекта исследования берет отношения вне их «вещной связности», структуру отношений элементов, многообразные процессы (от тектонических до эволюционных, от морфологических до социальных).

Поэтому отождествление науки с изучением лишь мертвых предметов, неадекватное уже во времена Гёте, совершенно не соответствует реальности науки XX в. Это упрощение отнюдь не безобидное в философско-методологическом смысле.

Несколько слов о предметной расчлененности науки. Вся структура научного знания не может быть осмыслена под этим углом зрения. Если принять за основание классификации наук лишь предметную соотношенность определенного сегмента знания с определенным фрагментом реальности, то мы сразу же столкнемся с целым рядом наук, которые под это расчленение не подойдут. Это относится прежде всего к математике, не только современной, но и классической. Хорошо: может быть, математика особая наука? Но как в таком случае быть с принципами сохранения, которые были выдвинуты уже в XIX в. и до сих пор имеют свою фундаментальность.

От этой наивной квазинатуралистической схемы классификации наук уже давно отказались философы и методологи науки, вводя в качестве критерия различения структуры научного знания специфику методов исследования, их соотношенность с объектом исследования, отнюдь не отождествляемого с вещью или ее фрагментом. Так что если и говорить о предметной расчлененности науки, то говорить следует весьма осторожно и учитывать те изменения, которые произошли в составе и методологических процедурах науки. Причем нельзя упускать из виду то обстоятельство, что предметное, лучше сказать, объективное содержание познавательных актов коррелятивно объекту сознания, который предстает как носитель смысла. Иначе говоря, нельзя оторвать друг от друга познавательный акт и его предмет, они коррелятивны друг другу: предмет выступает как конструируемый сознанием носитель смысла, а сами познавательные акты нагружены объективным содержанием. Интенциональность научного сознания, коррелятивность познавательных актов и их содержания уже осмыслены в философии XX в. И если мы не учитываем тех достижений, которые внесла в философию науки философская мысль XX в., то мы можем остаться в границах весьма убогого представления о науке как отражении реальности, происходящем в мозгу человека. От подобных гносеологических робинзонад пора бы уже давно отказаться. Даже трансцендентальная философия Канта покончила со столь наивным, догматическим представлением о познании и тем более научном познании.

Теперь о субъект-объектном отношении и «элитарности» науки. Можно согласиться с тем, что классическая наука начиналась с утверждения о том, что наука должна постичь объект сам по себе, в его собственных связях и отношениях, с противопоставления познающего субъекта познаваемому объекту.

Наука, по мысли ее основателей, должна быть основана на дистанцировании субъекта и объекта, проведении четкой грани между исследователем и исследуемым объектом, будь то ограниченный фрагмент реальности, вещь или процесс. Однако следует задаться вопросом: относится ли это к науке как таковой или же к некоторым философским представлениям о науке? Иными словами, образует ли эта черта особенность научного знания или же эта черта приписывается науке ее философскими интерпретаторами? Мне представляется, что даже классическая наука не основывалась на отчуждении субъекта и объекта, на противопоставлении природы и человека, на дистанцировании познающего субъекта познаваемому объекту. В познавательной деятельности, — а наука является одной из форм познавательной деятельности, обладающей своей спецификой, условиями осуществления и соответственно своими границами, — объект и субъект едины. В ней представлено единство субъекта и объекта, их коррелятивность, если говорить языком философии XX в. Объект конструируется в познавательной активности, а субъект, познавательный субъект, оказывается эпифеноменом познавательной деятельности. Причем нельзя забывать и того, что познавательный субъект является одномерным «разрезом» того субъекта, который включен в акты человеческой жизнедеятельности, образуя их средоточие. Поэтому представление о том, что наука зиждется на противопоставлении субъекта и объекта, подавлении объекта, умалении его активности, опять-таки связано с наивными представлениями о познании, связанными скорее с просветительской идеологией, чем с философией XX в. Само возникновение таких научных дисциплин, как естественная история, изучавшая соотношения биологических видов с естественной средой, теория эволюции, историческая геология с ее принципом актуализма и, наконец, экология, показывает, что не вся наука враждебна природе, что формирование целого ряда научных дисциплин, прежде всего биологических, предполагает осмысление целостности биологических популяций в их естественной среде обитания, что наука направлена на осмысление геологической, естественноисторической активности природы и отнюдь не служит утилитарно-прагматическим целям. А если вспомнить те отрасли математики и математической физики, которые развивались без какого-либо

сопряжения с техникой и безотносительно к целям использования знания, то бедность и ущербность предлагаемого К. И. Шилиным образа науки станут очевидными.

Конечно, в идеологии новоевропейской науки все более и более утверждались идеи науки как власти — как власти над природой, над обществом и над человеком. Нельзя отрицать и того, что наука, в своей интенции хотя бы, всегда была связана с техникой, с технической реализацией научных инноваций. Однако из этого не следует делать вывод об элитарности науки, служащей целям манипулирования массами элитой. Это опять-таки упрощение, и упрощение весьма опасное. Наука формировалась и утверждалась как знание, открытое всем и каждому. В отличие от знания тайного, от магии и мифа, наука с самого начала провозгласила открытость своих понятий, процедур, методов для каждого человека. В этом демократичность науки, ее открытость для освоения и для компетентной критики. И в этом ее принципиальное отличие от мистико-герметической традиции, весьма прочно утвердившейся в странах Востока. Как раз наоборот, герметическое знание служило элитарным целям и было по своему существу элитарным знанием. Наука же всегда и в классический период, и в наши дни открыта для критики своих оснований, понятий и методов, она не может ориентироваться лишь на элитарные слои. Ведь не зря же успехи в развитии науки всегда шли рука об руку с распространением общего образования, а борьба за демократизацию школы была одним из условий расцвета науки.

К. И. Шилин апеллирует к культурам Востока, которые-де в отличие от путей развития западноевропейской цивилизации сохранили «живое знание», гармонию с природой, любовно-дружественное отношение к живой и неживой природе. По моему мнению, это крайняя идеализация Востока, которая не позволяет осмыслить реальные, в том числе и экологические, проблемы, существующие в восточных странах, и не дает возможность выбрать верные ориентиры в движении человеческой истории. К. И. Шилин считает, что следует отказаться от развития науки и техники, что западный путь показал-де свою «бесперспективность» и нужно возродить «живое знание», которое является скорее искусством, чем знанием в собственном смысле слова. Хотелось бы напомнить К. И. Шилину, что Индия решила продовольственную проблему отнюдь не с помощью герметического знания, а с помощью сортов злаков, выведенных американскими и канадскими селекционерами. В этом суть той «зеленой революции», которая произошла на наших глазах в Индии. Хотелось бы напомнить и то, что Япония решает свои экологические проблемы отнюдь не с помощью синтоизма и буддизма, а на путях ужесточения экологических требований в автомобилестроении, в создании новых технологий. Научно-техническая революция, произошедшая в ряде стран Юго-Западной Азии, например в Таиланде, Южной Корее и др., показывает, что они отнюдь не усматривают в науке и технике путь, ведущий к тупику и деградации. Для них это путь, ведущий к благосостоянию, к развитой экономике, к созданию экологического равновесия и сохранению природной среды. Без развитой экономики, основанной на последних достижениях науки и техники, избавиться от экологических проблем невозможно. Жаль, что приходится напоминать эти азбучные истины. Конечно, экологизация промышленности, транспорта, сельского хозяйства требует дополнительных экономических вложений, новых затрат. Слаборазвитые страны, — а их немало на Востоке, — немощны и в экономическом отношении, и в экологической защите природы. Казалось бы, это замкнутый круг и выбраться из него невозможно: развитие экономики ведет к экологической деградации природы, а развитие экологически безопасной технологии требует новых экономических затрат. Вырваться из этого круга можно лишь одним способом: не апеллировать к традиционной мифологии или к новым вариантам ретрондеологий, а всемерно развивать научные исследования и их технические приложения, ориентированные на создание экологически чистой техники, экологически безопасной технологии в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве. Примеров такого рода новых экологических технологий множество.

Итак, основной пафос статьи К. И. Шилина мне неприемлем. Это — пафос критики и неприятия науки и техники во имя некоего «живого знания». Что же такое это «живое знание»? Мы уже поняли, что оно реализовано не в науке западноевропейского типа и не в технике, на которой основывается вся западноевропейская цивилизация. Где же оно реализовалось? В чем особенности этого «живого знания»? По словам К. И. Шилина, оно реализовалось — помимо восточной мудрости — в русской религиозной философии. В связи с этим он вспоминает ряд имен — от Н. Ф. Федорова до В. И. Вернадского. Упомянутые автором русские философы занимали весьма различные позиции относительно науки. Одни из них были критически настроены, например В. Ф. Эрн; другие пытались истолковать науку и технику в религиозном духе, например В. С. Соловьев, П. А. Флоренский; третьи были просто учеными, в частности В. И. Вернадский. Всех их отнюдь не объединяла идея

некоего «живого знания». Наука рассматривалась ими как один из путей одухотворения природы, торжества над смертью и утверждения истины, красоты и добра. В этом смысл философии всеединства, развиваемой В. С. Соловьевым, в этом смысл трактовки науки как символического описания, а техники как органопроекции человека, предложенной П. А. Флоренским, в этом существо концепции ноосферы, развитой В. И. Вернадским. Если бы они стремились умалить науку, то они не были бы величайшими мыслителями.

В чем же особенности «живого знания»? Из текста статьи это трудно уловить. Можно понять так, что «живое знание» — это цельное знание в отличие от аналитического научного знания. Однако научное знание отнюдь не ограничивается аналитически расчлененным, а уже давно стремится выработать и вырабатывает понятия и методы постижения целостности исследуемого объекта или процесса. В этой связи можно лишь напомнить, что в классической науке уже были выработаны такие понятия, как организм в его целостности, популяция, Вселенная; можно напомнить также процедуры, которые позволяют постичь целостность и вместе с тем органическую расчлененность живых существ, как системный подход в биологии и экологии, изучение структур языка в лингвистике, общества в социологии, товарных отношений в экономике и пр. Короче говоря, наука отнюдь не исчерпывается сугубо аналитическим подходом, а всегда стремится восполнить аналитичность синтетически-целостным, системным подходом к изучаемому объекту.

Может быть, «живое знание» — это знание, способное к росту и развитию? Но ведь не трудно понять, что научное знание с самых первых моментов своего возникновения отличается именно этой способностью к росту и развитию. Конечно, возникают нелегкие проблемы, например как интерпретировать рост и развитие знания. В философии науки построены различные концепции и модели роста и развития знания, и прежде всего научного знания — от идеи метаморфоз знания, предложенной Гегелем, до моделей роста науки, развитых К. Поппером и его последователями. Одно несомненно, наука обладает способностью к росту и развитию. И в этом смысле она является «живым знанием».

Может быть, «живое знание» — это знание, которое основывается на интуиции жизни? Но хотелось бы напомнить, что в современных философских концепциях научного знания отнюдь не отвергается значение интуиции. Она не отвергалась и в классической философии науки. И Спиноза, и Лейбниц и Кант подчеркивали важное значение интуиции. И в XX в. подчеркивается роль интуиции в обосновании аксиом геометрии, в выборе исходных постулатов научно-теоретического знания, в постижении целостности исследуемого объекта. Речь идет, очевидно, о другом — об интуиции жизни. Однако остается неясным, в чем же заключена эта интуиция жизни. Ведь эта интуиция весьма различна даже для русских мыслителей, которые для К. И. Шилина предстают в качестве защитников «живого знания». Так, для П. А. Флоренского жизнь прежде всего связана с антиэнтропийными процессами, с нарастанием организованности и одухотворенности природы. Для В. И. Вернадского жизнь разлита в биосфере, образующей тончайшую оболочку земного шара. Очевидно, необходимо раскрыть, в чем же заключается интуиция жизни, составляющая средоточие «живого знания».

Романтическая идеализация культуры Востока, отвержение науки и техники, проповедь некоей нерационализируемой и нерациональной идеологии «живого знания» — такова сущность позиции К. И. Шилина. Те слова, которые взяты мною эпиграфом к статье, напоминают нам о судьбе Иова — страдающего праведника, испытываемого сатаной. Не ждет ли человечество судьба Иова, если оно пойдет по пути отвержения того богатства, которое им достигнуто, в том числе и богатства научной культуры? Где источник страданий и зла? Как же можно спасти человечество? Неужели в рациональном знании — исток страданий и бед человечества, а не в его собственной природе? Неужели в технике — воплощение всех пороков и бед человеческих? Неужели в отказе от науки и техники — путь спасения человечества? Может быть, в искренности сердца и чистоте знания заключен этот путь? Может быть, в сопряжении научных исканий и нравственных ценностей — путь, который нам указан священной книгой Востока? По-моему, именно в этом. Не надо искать исток зла и страданий в чем-то ином, кроме человеческой природы, кроме разрыва нравственного и научного сознания, кроме отторжения научных исследований от этических оснований человеческой жизни. Лишь этому может научить нас восточная мудрость, а не отвержению всего и вся во имя не поддающегося расшифровке «живого знания». Путь к преодолению зла — не в отказе от науки и техники, а в одухотворении человеческой природы, в том числе и одухотворении науки и техники. А это означает, что необходимо осмыслить их гуманистическое содержание и направленность, увязать их с нравственными исканиями человечества, понять их во всем контексте человеческой жизнедеятельности как путь одухотворения природы и преодоления смерти.